

Чингис хан и императрица*

Тангутское государство с его высоко развитой культурой, видимо, очень импонировало неграмотному Чингис хану, прошедшему все свои походы верхом на коне. Великий Чингис хан завоевал территорию, простиравшуюся от Тихого океана до Каспийского моря, которая по своим размерам превосходила завоевания другого великого полководца древности, Александра Македонского, жившего за полторы тысячи лет до Чингис хана. В отличие от высокообразованного Александра Чингис хан был неграмотен, что однако, по-видимому, не мешало ему высоко ценить культуру и стремиться к тому, чтобы созданная им империя<...> Так, например, известно, что именно Чингис хан повелел ввести в употребление уйгурскую письменность и вести на ней официальную документацию.

Для наших целей следует вспомнить хронологию походов Чингис хана. Объединив в 1206 г. под своей властью Монголию, он начинает свои завоевательные походы. Сначала против ближайших соседей – уйгур (1207) и китайцев (1211), а затем – на запад.

По мнению монгольского ученого Ургунгэ Онона, слово «монгол» до 1206 г. было названием племени. После того, как Чингис хан стал Великим Каханом, это название стало синонимом государства до 1271 г., когда Великий Кахан переименовал его в «династию Юань», и с тех пор слово «монгол» употребляется в значении народа в широком смысле этого слова [Ургунгэ Онона 1990:1, прим. 1]

Как известно [Dunnell 1996: 214], все сведения по истории тангутского государства (1032–1227) основаны исключительно на китайских источниках. Однако в последние годы постепенно начали вводиться в научный оборот и собственно тангутские материалы [Кычанов 1987–1989, Кепинг 1991], доступ к которым ранее был затруднен из-за сложностей понимания текста, написанного недешифрованным языком. Естественно предположить, что прочтение тангутских источников прольет дополнительный свет на многие неясные места в истории не только тангутов, но и сопредельных с ними народов.

* Статья не закончена. (Примеч. составителя.)

Ниже я предложу свою гипотезу о смерти и о месте захоронения Чингис хана, проблеме, которая в течение многих десятилетий занимает ученых. В источниках обстоятельства смерти Чингис хана излагаются весьма противоречиво — место, где он похоронен, засекречено [Boyle 1970] или неизвестно, а некоторые тексты сообщают по несколько возможных мест его захоронения. В 1990 г. на поиски могилы Чингис хана в северную Монголию к горе Бурхан Халдун была отправлена оснащенная по последнему слову техники совместная японо-монгольская археологическая экспедиция [Severin 1991: 65], однако как будто и она не дала результатов.

Моя гипотеза сформировалась в результате дешифровки собственно тангутского названия тангутского государства, а именно «Великое государство Белого и Высокого». По моему мнению, это название в зашифрованном с помощью омонимов виде передает идею единства мужского и женского начал, и название государства следует понимать как «Великое государство [единства] мужского и женского начал». Такая интерпретация названия позволяет предположить, что тангутское государство было тантрическим буддийским, где основание государственности покоилось на незыблемом единстве мужского и женского начал, реально персонафицированном в брачном союзе императора с императрицей.

Каждый, кто в течение длительного времени занимается тангутскими исследованиями, непременно проникается пониманием того факта, что это была чрезвычайно высокая по уровню развития, во многих отношениях уникальная культура. Более того — те, кто сталкиваются с тангутской культурой, определенно подпадают под ее обаяние. Первым это заметил русский путешественник П.К. Козлов, открывший захоронение, в котором содержались сокровища тангутского государства.

Всего за двести лет своего существования в этом государстве была создана собственная иероглифическая письменность, насчитывающая около шести тысяч иероглифов¹, был переведен весь буддийский канон (что не было сделано в двух других некитайских династиях — Ляо и Цзинь, — каждая из которых также имела свою собственную письменность), были открыты тангутские и китайские школы, даже Академия наук, тиражи книг насчитывали десятки тысяч экземпляров, делались переводы с китайского и тибетского языков, филологическая наука по своему уровню была выше китайской, свидетельством чего являются разного рода словари, сохранившиеся до наших дней. Тангутское искусство сохранилось в прекрасных образцах скульптуры, как в храмах на территории бывшего тангутского государства, так и в коллекции Эрмитажа. В особенности сильное впечатление производят тангутские иконы на буддийские сюжеты, многие из которых представляют собой подлинные образцы высокого искусства. Монастыри и башни XII в. на территории бывшего тангутского государства демонстрируют высокий уровень архитектуры. Что же касается тангутской музыки, то известно, что она так понравилась Чингис хану, что он выбрал именно ее для исполнения при своем дворе [Dunnell 1996].

Сами тангуты называли свою страну «Государством десяти тысяч секретов», что, по-видимому, было связано с тем, что свое тайное тантрическое знание они зашифровывали, и оно было доступно только избранным.

И в этой связи я всегда задавалась следующими вопросами:

1) Почему из трех не китайских династий (Ся, Ляо и Цзинь) только для Ся, т.е. для тангутского государства, не была составлена специальная династийная история, тогда как такие истории были написаны для Ляо и Цзинь?

2) Почему в китайских источниках тангутское государство не называется «Великое государство Белого и Высокого», а для его обозначения употребляется китайское слово *Xia*?

3) Почему в изложении § 268 «Секретной истории монголов» ощущается определенная причинно-следственная связь между действиями Чингис хана, направленными против тангутов, и его смертью?

4) Почему так жестоко расправились монголы с тангутами?

5) Почему существует определенное несоответствие между утверждением «Секретной истории монголов» о поголовном истреблении тангутов и цветущими тангутскими городами, которые увидел Марко Поло всего через несколько десятилетий после этого?

Для того, чтобы более ясно изложить мою гипотезу, я должна напомнить события, происшедшие в тангутском государстве в последние двадцать лет его существования (Dunnell 1996: 205-13):

1209 – первое большое монгольское наступление на тангутов.

1210 – тангутский император *Wei-ming An-ch'iiian* (*Hsiang-tsung*) признал себя вассалом Чингис хана и передал ему в жены свою дочь Чахэ.

1211 – тангутский император *Wei-ming An-ch'iiian* (*Hsiang-tsung*) умер при странных обстоятельствах.

1217 (1218?) – монгольские войска вторглись в пределы тангутского государства и дошли до его столицы. Именно в это время тангутский министр Аша Гамбу сказал ставшие впоследствии знаменитыми слова, которые Чингис хан так и не мог простить тангутам: «Твоя сила уже не может (действовать), ваном быть не можешь» (так у Ширатори – проверить по словарю).

1223 – *Wei-ming Tsun-hsii* (*Shen-tsung*) отрекся от престола в пользу своего сына *Wei-ming Te-want* (*Hsien-tsung*).

1225/1226 – последний монгольский поход на тангутов, который, как подчеркивает «Секретная история монголов», вел сам Чингис хан. Именно во время этого похода Чингис хан заболел. Поход был приостановлен, и к тангутам были направлены монгольские послы с тем, чтобы призвать к ответу за неуважительные слова Аша Гамбу (как считает Р. Даннел (1996: 211), это было сделано для «спасения лица» (a face-saving measure)). Но Аша Гамбу не покаялся, а, наоборот, стал вызывать монголов на сражение, что привело в бешенство Чингис хана, и он поклялся отомстить тангутам. Во время этого похода Чингис хан, пленившись кра-

сотой тангутской императрицы, взял ее в жены.

1226 – Wei-ming Te-want умирает от страха. На престол вступает Wei-ming Hsien.

1227 – капитуляция столицы тангутского государства.

Такова хронология событий согласно китайским источникам. Однако кроме китайских источников, существуют также и монгольские, в которых содержатся весьма существенные для данного исследования сведения, — я имею в виду монгольские летописи XVII и XVIII вв., в которых сохранились предания, рассказывающие о последнем в жизни Чингис хана походе, походе на тангутов. Это — «Алтан тобчи» Лубсан Данзана, две анонимные летописи «Алтан тобчи» и «Шара туджи» (все три рукописи относятся к XVII в.), а также «Алтан Тобчи» Мэргэн гэгэна (XVIII в.).

Во всех летописях XVII в. упоминается жена последнего тангутского правителя Шидургу-хана по имени Гурбэлджин Гоа, которую Чингис хан взял в жены. Шидургу хан предупреждает Чингис хана, чтобы тот обыскал его жену, начиная с «черных ногтей». Однако только автор летописи «Шара туджи» осмеливается сказать, что Гурбэлджин Гоа оскопила Чингис хана: «Гурбэлджин Гоа-хатун к потаенному месту своему прижав шипцы, тайному месту Эдзэна (т.е. Чингис хана — К.К.) вред причинила». Гурбэлджин Гоа утопилась в Хуанхэ, после чего эта река стала называться в ее честь Хатун-гол, т.е. Царица-река. Согласно текстам «Алтан тобчи» XVII в. тело ее нашли (однако в летописи «Шара туджи» его не находят). Каждый принес по мешку (лопате) земли, и насыпали холм, который назвали Тэмур-олхо.

Несколько по-другому трактуется эта история в летописи XVIII в. «Алтан Тобчи» Мэргэн гэгэна, которую автор публикации считает «античинги».

Следует особо отметить тот факт, что в «Секретной истории монголов» нет истории, связанной с Гурбэлджин Гоа, имя которой в этом тексте не упоминается вообще, и, соответственно, ничего не говорится об оскотлении Чингис хана.

В конце XIX в. известные русские путешественники и исследователи Центральной Азии Н.М. Пржевальский (1871 г.) и Г.Н. Потанин (1893 г.) увидели и описали этот холм, который по-прежнему назывался Тумуралха, что, как пишут путешественники, по-монгольски значит «железный молоток». Оба путешественника описывают искусственный куполообразный холм на берегу Желтой реки примерно в 15 километрах от озера Цайдем-ин-нор. Пржевальский на карте указывает место, где находится могила, с сопроводительной надписью. Потанин даже публикует фотографию этого холма с надписью «Чао-джюн-фын, могила жены Чингис хана вблизи Гуйхуа-чэна» [Потанин 1893]. Этот могильный холм окруженностью в 370 метров и высотой около пятнадцати метров возвышался среди равнины и был виден издали. Согласно легенде, записанной путешественниками, у одного из монгольских князей была красавица жена,

которая так понравилась великому завоевателю Чингис хану, что он грозил войной, если муж не уступит ее. Монгольский князь отдал свою жену, но она оскопила Чингис хана и бросилась в воды Желтой реки, отчего река стала по-монгольски называться Хатын-гол, т.е. Царица-река.

Итак, монгольские предания, записанные в XVII в., через двести с лишним лет получили вещественное подтверждение в записях русских путешественников.

Сведения о тангутских походах Чингис хана из китайских династийных историй, материалы монгольских рукописей XVII в., подтвержденных через двести с лишним лет в записях русских путешественников — эти данные, рассмотренные через призму собственно тангутских представлений о своем государстве, позволили мне построить гипотезу, касающуюся последних лет жизни Чингис хана и его смерти.

Монгольские войска, впервые вступили на территорию тангутского государства в 1205 г., когда страна продолжала переживать период своего наивысшего расцвета. Можно представить себе состояние завоевателей, воочию увидевших огромный культурный «разрыв» между ними и их ближайшим соседом — бесписьменный монгольский народ, только что создавший свое кочевое государство, с одной стороны, и изысканная цивилизация тангутов, с другой.

Монголы безусловно ощущали превосходство тангутов. Видимо даже то, что тангуты были высокого роста (а этот факт неоднократно подчеркивается в тангутских одах), раздражал низкорослых монголов. И чувство собственной неполноценности однажды прорывается в тексте «Алтан Тобчи» в следующих словах Чингис хана: «Ножами переколите гордых, *задравших подбородки* (выделено мной — К.К.) тангут-вельмож». (Шастина, 1973: 237) ².

Тангутское государство, видимо, произвело сильное впечатление на Чингис хана, который ко времени своих походов на тангутов мог сравнивать их с другими, уже покоренными к этому времени народами. Он стремился, по-видимому, многое перенять из тангутской культуры. Так выше уже говорилось о том, что при своем дворе Чингис хан использовал тангутскую музыку, — так во всяком случае утверждают китайские источники [Dunnell 1996]. И этот, на первый взгляд не очень существенный факт, по сути своей очень знаменателен: дело в том, что использовав тангутскую музыку, Чингис хан заимствовал этим и ритуал тангутского государства. Такой вывод можно сделать на основании употребления в тангутских одах слова *tshon* «музыка», где оно встречается в сочетании *ti tshon* «музыка ритуала» и *tha tshon* «великая музыка».

Возможно, что тангутская легенда о соединении прародителей императорского тангутского рода на горе также привлекла внимание Чингис хана, который, утверждая древность своего рода, вслед за тангутами возводит свое происхождение к предкам, соединившимся у истоков реки Онон, протекавшей у горы Бурхан-Халдун (§ 1 «Сокровенного сказания

монголов»), т.е. и здесь та же идея о соединении женского (река) и мужского (гора) начал.

Однако самым значительным и показательным является заимствование, касающееся самоназвания народа — «монгол». По поводу происхождения этнонима «монгол» высказываются противоречивые мнения. По-видимому, он появляется только при Чингис хане. И в этой связи мне кажется очень интересным забытое мнение Д. Банзарова [Банзаров: 72-7], согласно которому это слово естественно распадается на две части — «Мон» и «гол», т.е. «река Мон». Таким образом, слово «монгол» произошло от реки, где жил этот народ. Однако, как пишет Банзаров, такой реки на картах нет, есть только гора Мон, которую также называют «Мона хан», т.е. царь гора. Эта гора расположена в южной Монголии на северном берегу Желтой реки против области Ордос. Далее Банзаров пишет: «Около этой горы должна протекать эта река, которая называлась и может быть теперь называется Мон-гол; по крайней мере в XV-м столетии она называлась этим именем. Доказательством этому служит то, что одно поколение, поселившееся около горы Мона-хан и составлявшее один из шести тумэнов (корпусов, союзов) получило название Монголии по месту своего кочевания». Из слов Банзарова ясно, что есть гора Мон, а наличие реки Мон он только предполагает.

Напомню, что в составе названия своего государства тангуты заменяли иероглиф, обозначающий священную гору, омонимичным иероглифом со значением «река». Это делалось для того, чтобы подчеркнуть неразрывное единство мужского и женского начал — основную идею тантрического символизма, пронизывающего все мироощущение тангутов.

Монголы, по-видимому, пытались скопировать тангутскую идею, выбрав гору Мон (расположение этой горы вопрос очень интересный), которую они называли рекой, что, видимо, было сделано с той же, что и у тангутов, целью, и связали свой народ с названием этой горы-реки. Однако невозможно было скопировать то изящество и красоту, с которыми в тангутской иероглифической письменности один иероглиф записывался другим, омонимичным первому. Поэтому до тех пор, пока не было дешифровано название тангутского государства и не стала понятной идея, которой руководствовались тангуты, называя свое государство «Великим государством Белого и Высокого», невозможно было понять, откуда произошло слово «монгол». По-видимому, Чингис хан назвал свой народ «монгол» по выбранной им священной горе, которую он, следуя заимствованной у тангутов тантристской символике, назвал рекой.

Эта гора находилась не в Монголии, а за пределами ее, и местонахождение ее было чрезвычайно символично — на стыке трех, как, это хотел представить Чингис хан, великих цивилизаций — Китая, Монголии и «Великого государства Белого и Высокого» и, что тоже интересно отметить, на равном расстоянии от Ханбалыка (Пекина) и Иргай (Иньчуань). Видимо, замысел Чингис хана состоял в том, чтобы, представив монголь-

ский народ как зародившийся на границах проживания трех народов, обосновать этим его право на власть над своими соседями.

Как явствует из «Секретной истории монголов» Чингис хан почитал две горы – Бурхан Халдун (вершина в горной цепи Хэнтэй в Монголии), откуда пошел его род, и гору Мун (Мон). Здесь нас будет интересовать только гора Мун. О ней говорится в «Секретной истории монголов» (приведены примеры из «Алтан Тобчи») в следующих контекстах:

1) Когда Чингис сам (это обстоятельство подчеркивается в монгольских сказаниях) повел войска на тангутов в 1227 г. (в год свиньи сказано в «Алтан Тобчи» – неувязка с Даннелл – у нее этот поход был в 1225/1226) проезжая гору Мун, он сказал [Шастина 1973: 236]:

Вот убежище, когда в государстве беспорядки,
Вот кочевье, когда в государстве мир,
Вот раздолье для медведей и оленей.

Тот же текст у Bawden (p. 137): «After this, in the dog year, the Holy Lord set his foot soldiers in motion, and in the pig year, taking the Queen Yisui, he set out, leading his armies himself. The Holy Lord saw the peak of Muna and said: “For a troubled country here is a refuge here; for a peaceful country there is a settlement... Now there is an assembling-place for luring stags”».

2) Именно у этой горы застряла повозка с телом Чингис хана, и ее никак не могли сдвинуть с места («Алтан Тобчи» – Шастина 1972: 241). Bawden (p. 144): «As they came praising him, they reached the marshy ground of Muna. The wagon stuck up to the hub and they could not move it. They harnessed strong horses of the Five Colours to it, but could not get it out. While the great massed people were in sorrow...»

Bawden (p. 145-146): «When the Holy Lord was going thence by reason of his having been pleased and given an order (сноска: «The reference is to Gingsis’ remarks about Muna... – these words signified his wish to be buried at this spot») the wagon had just then stuck up to the hub. Giving out a false report to the great peoples, they buried there, it is said, the shirt he wore, his tent, and one of his two stockings. As to his real corpse, some say they buried it at Burqan Qaldun, some say they buried it at a place called Yeke Otog to the north of Altai Qanand to the south of Kentey Qan».

Таким образом, эта гора упоминается и в начале последнего похода Чингис хана против тангутов, и в конце этого похода, когда тело Чингис хана везут для захоронения в Монголию.

Согласно Шастиной (с. 370, примеч. 67) Муна – горный хребет в районе Урат. Гора Муна-хан этого хребта почиталась монголами, с ней связана приведенная в тексте легенда о Чингис хане. Существовал особый культ горы Муна-хан, считавшейся местопребыванием хозяина-владыки этой горы, что является пережитком шаманского культа гор. Подробно о культе Муна-хан, специальных церемониях и призываниях, сочиненных

известным автором XVIII в. ламой Мэргэн Даянчи, (см. Банзаров, Собр. соч., с.71 и Bawden, *Two Mongol Texts*, p. 25-26)

[О Чахэ – обычно переводят как «дочь», хотя в оригинале нет слова «дочь» – есть только «женщина» (Ширатори (китайский текст в книге, с. 295) тоже не приводит слова «цзы», а говорится о «ньюй», а в примечании (с. 297) приводятся два мнения по поводу Чахэ – в обоих, указывается, что это хуанхоу – т.е. императрица<...>]

Примечания

¹ Я всегда сомневалась в возможности только за один год, как это утверждается в китайских источниках, составить такую сложную систему письма, как тангутская, где почти половина из всех имеющихся иероглифов представляют собой омонимы для шифрования.

² Эти слова отсутствуют в издании «Алтан Тобчи», опубликованном К.Р. Бауденом (Bawden 1955: 140).